
ЧТО ТАКОЕ «ПЛАТОНИЗМ» В СВЕТЕ КУЛЬТУРНО-ФИЛОСОФСКОЙ ТРАДИЦИИ?

Подвойский Леонид Яковлевич, кандидат философских наук, доцент

Астраханский государственный университет
414056, Российская Федерация, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: leonid.podv@gmail.com

В статье рассматриваются попытки поиска ответа на вопрос о понимании платонизма. Акцентировано внимание на различных подходах – от простого употребления этого термина до раскрытия его содержания. Проанализированы точки зрения западных и отечественных мыслителей. Сделан вывод, что сам факт обращения мыслителей к феномену платонизма представляет собой исторически длительную культурно-философскую традицию в мировой и русской философии.

Ключевые слова: античность, Платон, платонизм, идея, идеализм, философия, русская философия, традиция, культура

WHAT IS “PLATONISM” FROM THE STANDPOINT OF CULTURAL AND PHILOSOPHICAL TRADITION?

Podvoyskiy Leonid Ya., Ph.D. (Philosophy), Associate Professor

Astrakhan State University
20a Tatishchev st., Astrakhan, 414056, Russian Federation
E-mail: leonid.podv@gmail.com

The attempts to find the answer to the question about “Platonism” understanding are observed in the article. The attention is paid to different approaches – from simple use of this term to revealing of its content. The points of views of foreign and native thinkers are analyzed. It was concluded that the very fact that thinkers adverted to the phenomenon of “Platonism” is a historically long term cultural and philosophical tradition in the world’s and Russian philosophy.

Keywords: antiquity, Plato, Platonism, idea, idealism, philosophy, Russian philosophy, tradition, culture

Относительно понятия «платонизм» и его характеристики следует констатировать, что в мировой, в том числе, и в русской, философии нет однозначного понимания и толкования. Полагаем, что к объяснению этой ситуации можно применить мысль А.Н. Гилярова, по мнению которого, «философское толкование Платона может быть весьма различно, смотря, во-первых, по степени знакомства с Платоном и, во-вторых, по той или другой точке зрения на философию вообще и на философию Платона в частности» [5, с. 328–329]. В этом контексте заслуживает внимания и точка зрения А.Н. Чаньшева, полагающего, что учение Платона им самим не систематизировано, следовательно, платонизм приходится реконструировать, что нелегко, а главное – не дает однозначных результатов [21, с. 328].

Интересно отметить, что в знаменитом «Очерке истории греческой философии» Э. Целлера термин «платонизм» не используется ни разу, но говорится о платониках и неоплатонизме. Констатируя, что философия Платона есть одновременно и продолжение, и восполнение философии Сократа, Э. Целлер обращает внимание на следующие элементы платоновской системы: а) Платон мало имеет в виду только теоретическое исследование: все поведение людей должно быть проникнуто и руководимо мыслями, которые находит философ, вся нравственная жизнь людей должна быть реформируема наукой; б) он убежден, что эта реформа может быть основана только на знании и что истинное знание – лишь то, которое исходит из познания понятий; в) стремясь развить это знание в систему, он первым среди греческих философов принимает во внимание

всех своих предшественников и пользуется всеми точками соприкосновения с прежними учениями; г) выходя за пределы философии Сократа (из сократовской диалектики вырастает его учение об идеях, из этических принципов его учителя – развитая система этики и политики), он дополняет ее антропологией и философией природы; д) в сочинениях Платона удерживается сократовская манера диалогического развития мыслей, ибо истина не дается в готовом виде, а ею можно обладать, лишь если самостоятельно добываешь ее [20, с. 119–120]; е) по воззрению Платона, философия не только объемлет всякое знание, поскольку оно правильно осуществляется, но только она одна обеспечивает выполнение нравственных задач. Она есть подъятие всего человека из чувственной жизни, обращение духа к идее [20, с. 124].

На наш взгляд, Э. Целлер дал достаточно содержательную характеристику философии Платона, то есть, можно сказать, платонизму в его самом общем и самом широком смысле.

Заметим, что довольно часто имеет место и простое употребление термина «платонизм» как неотъемлемой принадлежности истории философии в одном ряду с другими учениями. Это мы находим в работах, как западноевропейских философов, так и философов, принадлежащих к русской философской культуре.

Например, И. Кант просто говорит о противоположности между эпикуреизмом и платонизмом, подчеркивая, что каждая из этих сторон утверждает больше, чем знает. Однако если первая поощряет знание и содействует ему, хотя и в ущерб практическому, то вторая дает превосходные принципы практическому интересу, но именно в силу этого разрешает разуму во всем, в чем нам дозволено только спекулятивное знание, следовать за идеальными объяснениями явлений природы и потому пренебрегать физическим исследованием [8, с. 296].

У Л. Фейербаха этот термин употребляется в таком контексте: «Метафизическая философия сохранилась в Англии лишь в виде истории философии: таковы платонизм, аристотелизм, мистика...» [18, с. 107]. Как видим, если у И. Канта дается определенная характеристика платонизму, то у Л. Фейербаха нет ничего, что говорило бы о его содержательной стороне. Есть только констатация факта об имеющем место быть одним из направлений в мировой философской мысли.

Один из известнейших философов XX в. К. Поппер, отмечая прямое влияние социального учения Платона на Ренессанс и другие эпохи, утверждал в книге «Открытое общество и его враги. Т. 1: Чары Платона», написанной в период между 1938 по 1943 гг., что такое направление как романтизм исторически на самом деле является потомком платонизма [13, с. 274]. Как видим, здесь тоже ничего определенного о понимании сущности платонизма не говорится, который просто сводится в целом к учению Платона (в данном случае, социальному)¹⁶.

Ряд мыслей относительно определения и понимания платонизма находим у М. Хайдеггера в работе «Европейский нигилизм», представляющей собой извлечение из двухтомника «Ницше», написанного и прочитанного в качестве лекционного курса около 1940 г. Согласно М. Хайдеггеру, под введением «истинного мира» в противоположность миру становления как миру лишь кажущемуся, Ницше подразумевает метафизику Платона и вслед за нею всю последующую метафизику, которую он понимает как «платонизм». Его он понимает как «учение о двух мирах», один из которых устойчиво пребывающий, «сущий» и тем самым истинный, другой – кажущийся мир. Этому соответствует приравнивание «истины» и «бытия». Поскольку же христианство учит, что это мир, долина скорби, лишь временный переход к потусторон-

---

¹⁶ О нашем критическом отношении к оценке платонизма в его социальной составляющей К. Поппером см.: Подвойский Л. Я. «Платонизм в «кривом зеркале» Карла Поппера» / Л. Я. Подвойский, Н. Л. Подвойская // Сохранение культурного наследия и проблемы фальсификации истории: материалы всероссийской молодежной конференции в рамках фестиваля науки (Астрахань, 19–21 сентября 2012): в 2-х тт. – Астрахань: Астраханский университет, 2012. – Т. 2. – С. 64–70.

нему, вечному блаженству, то Ницше понимает христианство в целом как платонизм (учение о двух мирах) для народа [19, с. 89].

Это довольно широкое понимание платонизма у Ницше М. Хайдеггер дополняет и своим, таким же широким. Так, он считает, что «вся философия Платона есть «идеализм» в том однозначном смысле слова, что бытие отыскивается в идее, в идейном и идеальном. Глядя на основателя метафизики, позволительно поэтому сказать также: вся западная философия есть платонизм. Метафизика, идеализм, платонизм означают по существу одно и то же» [19, с. 158].

Но М. Хайдеггер не останавливается и на этой широкой характеристике. Он утверждает также, что эти понятия остаются определяющими также и там, где заставляют о себе говорить противоположные направления и перевертывания. Платон становится в истории Запада прообразом философа. К тому же, Ницше, по мнению М. Хайдеггера, не просто охарактеризовал свою философию как перевертывание платонизма. Ницшеанская мысль была и есть прежде всего одно единственное и часто очень надрывное препирательство с Платоном [19, с. 158].

И далее М. Хайдеггер характеризует роль Платона во всей западной философии такими словами: «Неоспоримое преобладание платонизма в западной философии обнаруживается, наконец, еще и в том, что даже и философию до Платона, которая по нашим наблюдениям еще не была сколько-нибудь развернутой метафизикой, люди толкуют из Платона и называют ее доплатоновской философией» [19, с. 158].

Эту мысль можно подтвердить и ссылками на классический труд С.Н. Трубецкого «Метафизика в Древней Греции», в котором представлено систематическое изложение истории древнегреческой философии, включая Сократа. Но в этом труде так много говорится о Платоне и платонизме, что становится совершенно очевидно, что без Платона, без апеллирования к его учению и его авторитету в принципе невозможно рассматривать и оценивать ни один из периодов древнегреческой философии, даже «доплатоновский». Анализируя подходы к определению и пониманию платонизма в русской философской культуре, нельзя не заметить, что под термином «платонизм» порой понимается какая-то одна сторона этого учения, но принципиально важная, на взгляд того или иного автора, а иногда и несколько таких сторон.

Например, такой подход мы обнаруживаем у А.Н. Гилярова в его статье «Платонизм как основание современного мирозерцания в связи с вопросом о задачах и судьбах философии», в которой, несмотря на такое вполне определенное название, не дается определения платонизма по формуле «платонизм – это...». Но это чисто по форме, а по содержанию о платонизме он говорит и тогда, когда не употребляет это слово, но обращает внимание на какие-то важные стороны учения Платона. Например, он утверждает, что создав великолепный мир идей и поставив их за пределами чувственного мира, где-то в занебесном месте, Платон положил основание тем эстетическим, нравственным и религиозным убеждениям, которые более двадцати веков составляют бессознательное умственное достояние всех просвещенных людей [5, с. 331–332].

Употребляя термин «платонизм», А.Н. Гиляров говорит: а) о религиозном значении платонизма, подчеркивая, что в истории образования наших идеалов платонизм и христианство представляют неразрывную силу, но в отношении любовных идеалов перевес признается за платонизмом; б) о том, что на почве платонизма выросли учения Фихте, Ф. Шлегеля и Шеллинга [5, с. 336]; в) о том, что для развития христианских учений имел значение не столько чистый платонизм, сколько неоплатонизм, представляющий собой лишь видоизмененный платонизм [5, с. 357–359].

Свое понимание платонизма в самом общем виде предпринял Н.Я. Грот. Премники философского идеализма Платона и его ценители, считает он, редко сознавали и понимали, что главной основой его философии является его учение о предсуществовании души и о познании, как припоминании. Собственно в этих тезисах, тесно связанных между собою, и заключается истинный смысл платонизма, как особого философского направления [6, с. 182].

Другой акцент в понимании платонизма обнаруживается в работе С.Н. Трубецкого «Метафизика в Древней Греции». Более десятка раз употребляя слово «платонизм» и отдельно, и в сочетании со словами «пифагорейство», «учение Пифагора», С.Н. Трубецкой приходит к такому пониманию платонизма: «Тайное учение Пифагора было создаваемо постепенно в течение всего развития греческой философии... в известном смысле самый платонизм есть не что иное, как совершенное познание этой тайны» [17, с. 219]. Подчеркивая, что пифагорейцы построили цельное всеобъемлющее мирозерцание, обладавшее мистической цельностью, С.Н. Трубецкой утверждает, что оно необходимо должно было разложиться или перейти в новую, высшую форму – платонизм [17, с. 219].

В работе «Курс истории древней философии» С.Н. Трубецкой всего несколько раз употребляет слово «платонизм», например, когда называет учение новопифагорейцев смесью стоицизма и платонизма [16, с. 54], или когда констатирует, что «особенности Аристотелевой философии объясняются ее противоположностью платонизму». Но в данном случае важнее то, что перед этим он, не употребляя этого слова, практически предлагает развернутое понимание платонизма, полагая, что сущность философии Платона и все ее историческое значение заключается в проповеди идеала, в том глубоком сознании, что идеалу принадлежит подлинная действительность и полная правда. Платонова теория идей, подчеркивает, С.Н. Трубецкой, покоится не на одном основании, а на многих; это – не отдельная теорема, а вся его философия [16, с. 357–358].

Несколько иначе определяет понятие платонизма А.С. Богомолов, по мнению которого, учитывая, что во всех диалогах Платона содержится идея Единого, логично предположить, что «высшее понятие платонизма – Первоединое» [4, с. 249]. В принципе, это можно выразить словами, что платонизм есть учение о Первоедином. Таким образом, если у С.Н. Трубецкого определяющим словом для понимания сущности и значения платонизма является слово «идеал», то для А.С. Богомолова таким словом выступает «Первоединое». И здесь нет противоречия, поскольку это взгляд на один и тот же предмет, т.е. на философию Платона, но с другой точки зрения. А.С. Богомолов также справедливо считает, что платонизм – это прежде всего философия, а не мифология, несмотря на ту огромную роль, которую играет в ней миф [4, с. 33].

Иногда в научной литературе говорится и об эклектичности платонизма. Так, О.А. Донских и А.Н. Кочергин отмечают, что греческие философы Филон из Лариссы и Антиох Аскалонский, являющиеся творцами эклектических вариантов платонизма, оправдывают соединение элементов разных учений тем, что эти учения – платонизм, перипатетизм, стоицизм – в сущности своей едины [7, с. 203].

С.В. Месяц обращает внимание на то, что платоники Антиох Аскалонский, Филон и Плутарх, доброжелательно относившиеся в Аристотелю, считали его идеи совместимыми с платонизмом, и пытались, так или иначе, включить их в общее учение школы. При этом оказывается, что наряду с эклектической тенденцией в платонизме, существовала и другая, противоположная ей тенденция, выступавшая за чистоту платоновской доктрины и старавшаяся всеми силами помешать проникновению аристотелевских учений в платонизм. В связи с этим С.В. Месяц напоминает, что афинский платоник Аттик в специальном сочинении «Против пытающихся толковать Платона через Аристотеля» предостерегал своих коллег по школе от искушения вносить в платонизм совершенно чуждые ему идеи [12, с. 92].

В отношении эклектичности платонизма нам импонирует точка зрения А.Н. Чанышева, считающего, что, несмотря на внешнюю бессистемность, взгляды Платона все же глубоко продуманы и в своей совокупности они составляют систему, куда входит онтология и теология, космология и космогония, психология и гносеология, этика и социология. Поэтому, хотя Платон объединяет в своем учении множество элементов предшествовавших ему философских учений, платонизм отнюдь не эклектичен, а представляет собой единое целое, сплавленное оригинальным учением основателя Академии – учением об идеях [21, с. 329]. Как видим, и А.Н. Чанышев не дает

конкретного определения платонизму, а понимает под ним широкомасштабное учение великого греческого мыслителя.

В данной статье мы не анализируем взгляды П.А. Флоренского, одного из крупнейших отечественных платоников, поскольку этому вопросу уделили достаточно внимания в статье «Платонизм как могущественное духовное движение»¹⁷.

Известно, что концепция платонизма, данная П.А. Флоренским, получила очень высокую оценку А.Ф. Лосева, мнение которого нами не может не быть учтено. Это тем более было бы недопустимо, что философское творчество А.Ф. Лосева, по словам А.И. Абрамова, можно назвать энциклопедией платонизма. Одним из лучших во всем мире знатоков платонизма называл А.Ф. Лосева другой известный отечественный исследователь Платона В.Ф. Асмус [1, с. 143].

С целью выяснения понимания А.Ф. Лосевым сущности платонизма обратимся к его работам «Очерки античного символизма и мифологии» и «Диалектика мифа» (1930 г.) и «Эстетика Возрождения» (1978). Итак, согласно А.Ф. Лосеву, философии Платона еще очень и очень далеко до законченной системы платонизма, что исторически так и было: Платон зачинатель платонизма. Поэтому напрасно толпа профанов судит об античном платонизме только по Платону. У Платона – только начало, исход, следовательно, за платонизмом нужно идти не к Платону, но к другим, более зрелым платоникам. Следует подчеркнуть, что этот вывод А.Ф. Лосев сделал на основании изучения терминологии [10, с. 282–283].

Правда, в этой же работе он дает анализ социальной природы вообще античного платонизма, но на основе чисто платоновских материалов. Здесь даются также ряд характеристик платонизма, например: – платонизм не есть неразбериха, а есть очень стройная философская система; – платонизм несовместим ни с верой в прогресс, ни с безобразной религией, ни с экономическим материализмом; – платонизм есть философия, подготовленная всем предыдущим развитием греческой философии. Предшествующая Платону социально-политическая мысль вошла в него самого, стала существенной закваской для его философии; – платонизм есть философия Иден, которая есть бытие особенное, неземное, вечное, и по учению Платона, главенствующее на земле [10, с. 776–779]; – платонизм – своеобразный синтез космополитического и антропологического момента в греческой социологии [10, с. 806]; – платонизм как социальная теория есть проповедь аристократии, а также философия монашества и старчества, которые представляют собой диалектически необходимый момент в платоновском понимании социального бытия [10, с. 818–819]; – платонизм в социальном смысле есть философия монахов, полиции и рабов-послушников [10, с. 823]; – платонизм есть учение о чистой фиктивности искусства и о приоритете пользы над красотой [10, с. 841–845]; – платонизм есть систематически разработанная интуиция тела, не знающий идеального мира в его чистой идеальности и мыслящий всех людей как богочеловеков [10, с. 868–869].

В работе «Очерки античного символизма и мифологии» А.Ф. Лосев с присущей ему скромностью замечал, что ему пришлось немного участвовать в перевороте в современном понимании Платона и платонизма. Некоторые мысли относительно социального или, как говорит А.Ф. Лосев, социологического, понимания платонизма, высказанные в работе «Очерки античного символизма и мифологии», повторены им в запрещенном дополнении к «Диалектике мифа». Так, он говорит, что платонизм мыслит себе еще и третий класс общества, средний между двумя изображенными [9, с. 235]; по его мнению, «философы» и «монахи» античного платонизма из созерцателей идей превращаются в созерцателей вечных личностей [9, с. 237].

Говоря о логической связи между антично-средневековой философией и соответствующим типом производства, А.Ф. Лосев утверждает, что платонизм есть ре-

¹⁷ Флоренский П. А. Смысл идеализма / П. А. Флоренский // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2013. – № 3. – С. 213–218.

месленная философия и что монахи и философы-платоники могут быть только ремесленниками, поэтому платонизм и монахи меркнут с появлением торгового капитала [9, с. 249]. Согласно А.Ф. Лосеву, платонизм в условиях капиталистического строя может только разлагаться и переходит в кантианство, фихтеанство, гегельянство, неокантианство и прочие чисто протестантские или мистические учения, предполагающие расцвет капитализма [9, с. 249–250].

Эта мысль, на наш взгляд, примечательна тем, что платонизм, по глубокому убеждению А.Ф. Лосева, это такой феномен мировой философии на всех этапах ее развития, без которого ее невозможно представить, и поэтому он отнюдь не сходит с философской арены, а просто переходит в другие учения, сохраняя свою объективно-идеалистическую сущность.

Хорошо известно, что Платон был для А.Ф. Лосева в центре внимания всю его длинную научную жизнь. И не случайно, конечно, что к обстоятельному рассмотрению термина «платонизм» он обратился и в работе, опубликованной почти спустя 50 лет после «Очерков». Речь идет о работе «Эстетика Возрождения» (1978), где в главе «Платонизм, неоплатонизм и гуманизм» А.Ф. Лосев дает очень содержательную характеристику платонизму.

Нельзя не согласиться с ним в том, что термин «платонизм» употребляется настолько часто и настолько небрежно, что иной раз уже начинает терять свое определенное значение и лишается той отчетливости, без которой невозможно пользоваться им в истории философии, и в частности для характеристики эпохи Ренессанса [11, с. 79]. Начиная с самой общей формулы понимания платонизма, А.Ф. Лосев подчеркивает, что под платонизмом нужно понимать учение о примате идеи над материей и добавляет, что это характерно не только для платонизма, но и вообще для всего идеализма, разновидностью которого и является платонизм [11, с. 79].

Решительно возражая против того, чтобы на этом основании называть платонизмом картезианство, кантианство и гегельянство, А.Ф. Лосев ставит задачу определить специфику платонизма. Она, по его мнению, в самом общем смысле заключается в той весьма насыщенной и углубленно жизненной характеристике идеального принципа, в других типах идеализма представленной достаточно слабо или никак не представленной [11, с. 80].

В итоге А.Ф. Лосев определяет четыре позиции в понимании специфики платонизма:

- во-первых, платонизм исходит из двух эмпирических, вполне здравых и даже общечеловеческих, общепонятных наблюдений, на которых он, однако, не останавливается и которые безгранично преувеличивает. Величайшая заслуга платонизма в том, что он исходит из наблюдения, что воздухом можно дышать, и хлеб можно есть, но идеей воздуха нельзя дышать, и идеею хлеба нельзя есть и т.п. Уже эта одна общепонятная черта платонизма обеспечила для Ренессанса высокое уважение к платонической эстетике [11, с. 80];

- во-вторых, исходное утверждение платонизма тоже весьма понятно и тоже не требует никаких доказательств. Разумеется, что в каждый момент становления вещи мы не должны забывать самой вещи, так как иначе все время будет оставаться неизвестным, что же такое само то, что в данном случае становится и меняется, т.е. что такое сама вещь. Исходя из этих двух простейших наблюдений, платонизм тут же начинает трактовать идею вещи в отличие от самой вещи как смысловую полноту вещи, обладающую самостоятельным и совершенно полноценным существованием. Идея вещи в платонизме есть вечная и порождающая модель вещи [11, с. 80–81].

- в третьих, в платонизме, как и во всякой развитой философии, речь шла не просто о неорганических и неодушевленных вещах, но также и о всем органическом и одушевленном мире, о всей природе, а главное, и о всем человеке, включая всю его внутреннюю жизнь, все его переживания, все его мысли, чувства и волевые акты, все его поведение, а также все его человеческое окружение, т.е. все общество и всю историю. Все эти области бытия тоже имеют свою идею, свое множество идей, и даже целую бесконечность идей. Вот тут-то и выступает платонизм. Мир идей, о котором

учит платонизм, определяет собою, осмысляет и организует уже и всю человеческую личность [11, с. 81].

- в-четвертых, платоническим идеям, согласно мысли самого Платона, присуще и свое собственное существование, и они являются особого рода действительностью. При этом платонизм учит о том, что идеи вещи ни в каком смысле не свойственны вещественные особенности самой вещи, а, следовательно, этой идее не свойственны и никакие пространственно-временные характеристики. Поэтому более зрелый платонизм помещает свои идеи на небе или выше неба не в буквальном, но скорее в символическом смысле слова. С точки зрения продуманного до конца платонизма эти идеи существуют и везде и нигде [11, с. 82].

Все это А.Ф. Лосев обобщает следующим образом: зрелый платонизм не только не отрицает существования вещей, но старается всячески их обосновать, освободить от иррациональной текучести, а также сделать насыщенными для познания, тем самым не нарушая, но активно утверждая их текучесть. Могла ли эстетика Ренессанса обойтись без понимаемого таким образом платонизма? Она ведь тоже хотела сохранить вещи во всей их текучести, и она тоже хотела утвердить человека во всей его творческой мощи. Для тех времен платонические идеи оказались, пожалуй, наиболее эффективным средством этого сохранения и утверждения [11, с. 82–85].

В контексте нашего рассмотрения подходов к понятию «платонизм» нельзя обойти стороной и такого известного исследователя античности, как В.Ф. Асмус. Он справедливо замечает, что, так как основу учения Платона составляет философский идеализм, то совершенно естественно, что наибольшее впечатление Платон всегда производил на мыслителей, склонных к идеализму, т.е. тех, для которых идеализм соответствовал их преобладающему интересу или влечению. В воззрениях этих философов, принимавших различные формы, всегда проступала единая сущность, которая восходила к Платону – автору теории «эйдосов», или «идей».

Более того, подчеркивает В.Ф. Асмус, эта, восходящая к Платону, сущность может быть обнаружена не только у прямых последователей в школе самого Платона, но также и у философов, как не входивших в его академию, так и у тех, которые в нее входили, но впоследствии вышли из нее. Еще более примечательно то, что платонизм, как основное воззрение, можно установить даже и у тех философов, которые с Платоном полемизировали, критиковали его учение, его теорию идей.

На этом основании В.Ф. Асмус, по большому счету, относит к платоникам даже Аристотеля, первого по значимости ученика и первого же по очередности критика идеализма Платона как идеализма вообще. Сделать такой вывод В.Ф. Асмусу позволяет то отмеченное им обстоятельство, что эта критика не доведена до полного преодоления платоновской теории идей и, в сущности, Аристотель критикует лишь учение Платона об отделенности идей от вещей, продолжая оставаться на почве учения своего великого учителя. Например, идее «блага» Платона, как высшей идее в его учении, у Аристотеля соответствует запредельный миру бог и в своей сути его учение – тот же объективный идеализм, что и теория «идей» Платона [2, с. 219–221].

Интересный материал относительно понятия «платонизм» представлен в работе Ю.А. Шичалина «История античного платонизма» (М., 2000), который проанализирован нами в статье «Традиции платонизма в русской философской культуре» // Вопросы элитологии: философия, культура, политика. Ежегодный альманах Астраханского элитологического сообщества. – Астрахань, 2006. – Т. 3. – С. 145–159.

Считаем необходимым также отметить следующее. Обращаясь к русской философской мысли, с полным правом можно считать, что платонизм на Руси, в России, или, можно сказать, на русской почве, можно называть русским платонизмом, или русским неоплатонизмом. Поскольку же, термин неоплатонизм давно уже приобрел самостоятельное значение, то мы все-таки предпочитаем использовать понятие «русский платонизм», которое, кстати, активно используется в работах А.И. Абрамова, одного из крупнейших современных исследователей традиции платонизма в русской философии.

Именно он подчеркивал, что историческое развитие русской философской культуры было неразрывно связано с платонизмом и неоплатонизмом, понимаемыми предельно широко, как некоторое духовное устремление, «как указующий перст от земли к небу, от долу – горе» (П.А. Флоренский). Для русского философствования было характерным восприятие традиции платонизма не только в связи с учением Платона об идеях, но с идеализмом вообще, с реализмом в споре об универсалиях, с априоризмом и рационализмом в теории познания, со спиритуализмом и телеологией в онтологии. Философские сочинения Платона в русскую философскую культуру были включены достаточно поздно (XVIII в.), но общий строй идей платонизма был освоен на самых ранних этапах. Христианско-православная культура Киевской Руси через византийское и болгарское влияние восприняла идеи платонизирующего аристотелизма [3, с. 403–404].

Определенный интерес, на наш взгляд, представляют материалы историко-философской конференции «Универсум Платоновской мысли: платонизм и античная психология» (23–24 июня 2000 г., Санкт-Петербург). Интересно, что слово «платонизм» употреблено только в названии самой конференции и в статье Р.В. Светлова и А.В. Цыба «Платонизм и античная психология», а все остальные 27 авторов статей и сообщений обходятся без него. Но, тем не менее, почти все они в той или иной степени говорят именно о влиянии платонизма на развитие психологии, понимая под ним учение Платона в этом направлении.

Вполне можно предположить, что если бы в названии статьи Р.В. Светлова и А.В. Цыба «Платонизм и античная психология» и статьи А.Н. Муравьева «Платон и историческое развитие психологии» поменять местами первые слова «Платон» и «платонизм», то на содержании этих статей это вряд ли отразилось бы. Ведь в обеих статьях речь идет именно о роли и значении взглядов Платона в развитии психологии, как античной, так и последующей.

В итоговом научном отчете по проекту «AKADEMIA: исследования и материалы по истории платонизма» слово «платонизм» употреблено несколько раз, а также отмечено, что «как направление философской мысли, платонизм представляет собой один из ведущих путей развития интеллектуальной культуры, начиная с IV в. до н.э. вплоть до нашего (XX-го – Л.П.) столетия. Его характерные черты проявляют себя во всем тысячелетнем периоде дальнейшего развития античной философии после Платона» [15, с. 11].

Р.В. Светлов подчеркивает, что интерес к философии Платона усилился в середине XIX столетия, когда начала складываться русская философия как таковая, т.е., когда для мысли стали более важны проблемы, чем мудрые, ученые ответы на вопросы о бытии. В ситуации переоценки философских установок и ценностей обострился интерес к античной философии [14, с. 13]. Р.В. Светлов делает еще два важных замечания: а) русская философская мысль второй половины XIX – начала XX столетия – это мысль, которая еще находится в процессе самоопределения, поиска наиболее адекватной формы самоутверждения. Поэтому любая целостная концепция могла восприниматься ею как альтернатива, а тем более это касается платонизма; б) русская философская мысль как бы «сидела на двух стульях»: современной ей немецкой классической философии и античной школы платонизма [14, с. 15].

Даже на основании представленных нескольких точек зрения вполне логично сделать вывод, что сам факт обращения мыслителей к феномену платонизма представляет собой исторически длительную культурно-философскую традицию в мировой и русской философии.

Список литературы

1. Асмус В. Ф. Античная философия / В. Ф. Асмус. – 3-е изд. – Москва : Высшая школа, 2001.
2. Асмус В. Ф. Платон / В. Ф. Асмус. – Москва : Мысль, 1969.
3. Абрамов А. И. Платон / А. И. Абрамов // Русская философия. Малый энциклопедический словарь. – Москва : Наука, 1995.

4. Богомолов А. С. Диалектический логос: Становление античной диалектики / А. С. Богомолов. – Москва : Мысль, 1982.
5. Гиляров А. Н. Платонизм как основание современного миросозерцания в связи с вопросом о задачах и судьбах философии / А. Н. Гиляров // Платон: pro et contra / сост., вступ. ст., примеч. Р. В. Светлова; сост., примеч. В. Л. Селиверстова. – Санкт-Петербург : РХГИ, 2001.
6. Грот Н. Я. Очерк философии Платона / Н. Я. Грот. – Изд. 2-е, стереотип. – Москва : КомКнига, 2007.
7. Донских О. А. Античная философия. Мифология в зеркале рефлексии / О. А. Донских, А. Н. Кочергин. – Москва : Московский государственный университет, 1993.
8. Кант И. Критика чистого разума / И. Кант ; пер. с нем. Н. Лосского ; сверен и отред. Ц. Г. Арзаканяном и М. И. Иткиным ; примеч. Ц. Г. Арзаканяна. – Москва : Мысль, 1994.
9. Лосев А. Ф. Диалектика мифа / А. Ф. Лосев ; сост., подг. текста, общ. ред. А. А. Тахо-Годи, В. П. Троицкого. – Москва : Мысль, 2001.
10. Лосев А. Ф. Очерк античного символизма и мифологии / А. Ф. Лосев ; сост. А. А. Тахо-Годи ; общ. ред. А. А. Тахо-Годи и И. И. Маханькова. – Москва : Мысль, 1993.
11. Лосев А. Ф. Эстетика Возрождения / А. Ф. Лосев. – Москва : Мысль, 1978.
12. Месяц С. В. Дискуссии об эфире в Античности / С. В. Месяц // Космос и Душа. Учения о вселенной и человеке в Античности и в Средние века (исследования и переводы) / общ. ред. П. П. Гайденко, В. В. Петров. – Москва : Прогресс-Традиция, 2005.
13. Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 1: Чары Платона : пер. с англ. / К. Поппер ; под ред. В. Н. Садовского. – Москва : Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992.
14. Светлов Р. В. «Русский Платон». Платонизм в русской культуре / Р. В. Светлов // Платон: pro et contra / сост., вступ. ст., примеч. Р. В. Светлова ; сост., примеч. В. Л. Селиверстова. – Санкт-Петербург : РХГИ, 2001.
15. Светлов Р. В. Платонизм и античная психология / Р. В. Светлов, А. В. Цыб // Универсум платоновской мысли: Платонизм и античная психология : мат-лы VIII Платоновской конф. (23–24 июня 2000 г.). – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский гос. ун-т, 2000.
16. Трубецкой С. Н. Курс истории древней философии / С. Н. Трубецкой. – Москва : ВЛАДОС, 1997.
17. Трубецкой С. Н. Метафизика в Древней Греции / С. Н. Трубецкой ; примеч. И. И. Маханькова. – Москва : Мысль, 2003.
18. Фейербах Л. Изложение, развитие и критика философии Лейбница / Л. Фейербах // История философии. Собрание произведений : в 3 т. / под общ. ред. М. М. Григорьяна. – Москва : Мысль, 1974. – Т. 2. – 480 с.
19. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления : пер. с нем. / М. Хайдеггер. – Москва : Республика, 1993.
20. Целлер Э. Очерк истории греческой философии / Э. Целлер ; пер. с нем. С. Л. Франка ; прим. М. А. Солоповой. – Москва : Канон, 1996.
21. Чаньшев А. Н. Философия Древнего мира (история философии) / А. Н. Чаньшев. – Москва : Высшая школа, 2003.

References

1. Asmus V. F. *Antichnaya filosofiya* [Antiquity Philosophy]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 2001. 3rd ed.
2. Asmus V. F. *Platon* [Plato]. Moscow, Mysl Publ., 1969.
3. Abramov A. I. *Platon* [Plato]. *Russkaya filosofiya. Malyy entsiklopedicheskiy slovar* [Russian philosophy. Small Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Nauka Publ., 1995.
4. Bogomolov A. S. *Dialekticheskiy logos: Stanovlenie antichnoy dialektiki* [Dialectical logo: Formation of ancient dialectics]. Moscow, Mysl Publ., 1982.
5. Gilyarov A. N. *Platonizm kak osnovanie sovremennogo mirosozertsaniya v svyazi s voprosom o zadachakh i sudbakh filosofii* [Platonism as the foundation of the modern outlook in connection with the problems of philosophy and of the fate]. *Platon: pro et contra* [Plato: pro et contra]. St. Petersburg, RKhGI Publ., 2001.
6. Grot N. Ya. *Ocherk filosofii Platona* [Essay on the philosophy of Plato]. Moscow, KomKniga Publ., 2007, ed. 2nd stereotype.

7. Donskikh O. A., Kochergin A. N. *Antichnaya filosofiya. Mifologiya v zerkale refleksii* [Antiquity Philosophy. Mythology in the mirror reflection]. Moscow, Lomonosov Moscow State University, 1993.
8. Kant I. *Kritika chistogo razuma* [Critique of Pure Reason]. Moscow, Mysl Publ., 1994.
9. Losev A. F. *Dialektika mifa* [Dialectics of Myth]. Ed. by A. A. Takho-Godi, V. P. Trotskiy. Moscow, Mysl Publ., 2001.
10. Losev A. F. *Ocherk antichnogo simbolizma i mifologii* [Essay of ancient symbolism and mythology]. Ed. by red. A. A. Takho-Godi and I. I. Makhankov. Moscow, Mysl Publ., 1993.
11. Losev A. F. *Estetika Vozrozhdeniya* [Esthetics of the Renaissance]. Moscow, Mysl Publ., 1978.
12. Mesyats S. V. *Diskussii ob efire v Antichnosti* [Discussions about the ether in Antiquity]. *Kosmos i Dusha. Ucheniya o vselennoy i cheloveke v Antichnosti i v Srednie veka (issledovaniya i perevody)* [Teachings of the universe and man in antiquity and the Middle Ages (research and translations)]. Ed. by red. P. P. Gaydenko, V. V. Petrov. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2005.
13. Popper K. *Otkrytoe obshchestvo i ego vragi* [The Open Society and Its Enemies]. Ed. by V. N. Sadovskiy. Moscow, Feniks Publ., 1992, vol. 1.
14. Svetlov R. V. "Russkiy Platon". *Platonizm v russkoy kulture* ["Russian Plato." Platonism in Russian culture]. *Platon: pro et contra* [Plato: pro et contra]. St. Petersburg, RKhGI Publ., 2001.
15. Svetlov R. V., Tsyb A. V. *Platonizm i antichnaya psikhologiya* [Platonism and ancient psychology]. *Universum platonovskoy mysli: Platonizm i antichnaya psikhologiya* [Plato thought the universe: Platonism and ancient psychology]. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 2000.
16. Trubetskiy S. N. *Kurs istorii drevney filosofii* [Course in the history of ancient philosophy]. Moscow, VLADOS Publ., 1997.
17. Trubetskiy S. N. *Metafizika v Drevney Gretsii* [Metaphysics in Ancient Greece]. Moscow, Mysl Publ., 2003.
18. Feyerbakh L. *Izlozhenie, razvitie i kritika filosofii Leybnitsa* [Exposition, development and criticism of the philosophy of Leibniz]. *Istoriya filosofii. Sobranie proizvedeniy: in 3 vol.* [History of Philosophy. Collected works: in 3 vol.]. Ed. by M. M. Grigoryan. Moscow, Mysl Publ., 1974, vol. 2, 480 p.
19. Khaydegger M. *Vremya i bytie: Stati i vystupleniya* [Being and Time: Articles and Speeches]. Moscow, Respublika Publ., 1993.
20. Tseller E. *Ocherk istorii grecheskoy filosofii* [Essay on the history of Greek philosophy]. Moscow, Kanon Publ., 1996.
21. Chanyshev A. N. *Filosofiya Drevnego mira (istoriya filosofii)* [Philosophy of the Ancient World (History of Philosophy)]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 2003.